

18+

Артур Каджар

Напрасная игра

Артур Каджар
Напрасная игра

«Издательские решения»

Каджар А.

Напрасная игра / А. Каджар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-608709-5

Казино. Что происходит по ту сторону азарта, роскошных интерьеров и умопомрачительных ставок? Читатель погружается во внутреннюю «кухню» казино, знакомится с героями, которые работают в отлаженном механизме и наблюдают за страстями через камеры. Габриэль, глава видеонаблюдения казино, становится виновником смертельной аварии. Движимый благородным порывом, он совершает проступок, в результате чего попадает под шантаж безжалостной банды, которая намерена использовать его в крупной игровой афере.

ISBN 978-5-00-608709-5

© Каджар А.
© Издательские решения

Содержание

СИНОПСИС	6
1	7
2	11
3	13
4	16
5	18
6	19
7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Напрасная игра

Артур Каджар

© Артур Каджар, 2023

ISBN 978-5-0060-8709-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СИНОПСИС

НАПРАСНАЯ ИГРА.

Что происходит по ту сторону азарта, роскошных интерьеров и умопомрачительных ставок? В романе мы погружаемся во внутреннюю «кухню» казино, знакомимся с героями, которые работают в этом отлаженном механизме и наблюдают за страстями игроков через камеры.

Габриэль, глава видеонаблюдения казино, возвращаясь с утренней смены, становится виновником смертельной аварии, в которой погибает женщина, а ее малолетняя дочь оказывается в больнице.

Движимый благородным порывом, он нарушает правила казино, чтобы заполучить необходимые деньги. Габриэль хочет использовать весь свой талант и недюжинный опыт, наработанный за годы работы, но ситуация выходит из-под контроля и развивается совершенно не по его плану.

Оказывается, он давно под наблюдением безжалостной банды, которая намерена путем шантажа использовать его в крупной игровой афере.

1

Уже неделю, начиная с католического Рождества, Габриэль не мог толком выспаться. Сны. Он их безропотно воспринимал в качестве наказания. Как только ему удавалось забыться, они всплывали из подсознания и заставляли заново переживать случившееся, острее, чем наяву. Иногда он плакал во снах, но это не приносило никакого облегчения. Гор, его единственный друг, с кем он поделился событиями того несчастливого рождественского дня, тоже мало годился на роль утешителя.

Сейчас, в канун Нового года, Габриэль сидел в комнате видеонаблюдения, где стояла полная тишина, лишь усиливаемая мерным шипением кондиционеров за стеклянной перегородкой серверной. Нацепив наушники и надев очки, он прищурился в свой монитор.

– Ставок больше нет! – толстый розовощекий крупье сделал стандартный жест «чистые руки», затем оперся этими чистыми руками на полированную светло-коричневую кромку стола рулетки. Его взгляд на мгновение задержался на игроке, грузном мужчине с белым мучнистым лицом, виднеющимся из-под полей тexasской шляпы, потом скосил глаза на колесо. Желтый шарик со звоном делал последние круги перед тем, как упасть в одну из ячеек. Возникло нехорошее предчувствие, и у Габриэля, измотанного переживаниями за последнюю неделю, настроение стало еще хуже. Он уже давно привык доверять своей интуиции, сильной от рождения и особенно обострившейся из-за специфики работы.

Глаза сильно защипало, он вытянул ящик письменного стола и с досадой вытащил пузырек с каплями. За прошедший год недуг, так называемый синдром сухого глаза, сильно прогрессировал, капли не всегда помогали от жжения в глазах, а зрение, и без того неважное, стало совсем никудышным. Шансом на спасение все еще оставалась операция, но врачи были единодушны в том, что вначале нужно вылечить этот синдром. Что означало бросить работу, из-за которой, собственно говоря, этот синдром и развился за многие годы. Линзы носить при такой болезни невозможно, так что Габриэль мог видеть все, что дальше собственной руки, только через очки с большими линзами. На всякий случай спасительные капли и запасные очки хранились и дома, и в машине.

В полумраке безмолвно мерцали экраны мониторов, выстроившихся в три ряда на самой протяженной стене. Время от времени один из сотрудников, сидящих перед стеной, шевелил рукой, лежащей на пульте, чтобы вывести нужное изображение на свой экран и приблизить картинку.

Стол Габриэля располагался под углом к мониторам, чтобы он мог видеть всех работников видеонаблюдения одновременно, в противоположном конце продолговатого помещения был небольшой кожаный диванчик с двумя креслами и столиком, на котором стояли электрический чайник, банка растворимого кофе и пепельница, полная окурков. Поморгав несколько раз, чтобы снять напряжение в глазах, он снова надел матерчатые наушники и обратился в слух и зрение.

Шарик, скатившись наконец со своей траектории в желобке колеса рулетки, ударился в один из металлических ромбиков, призванных менять направление шарика, чтобы игроки не могли вычислить, в какой из секторов он может упасть. В наушниках раздалось звонкое «тук-тук-тук», и шарик, попрыгав немного по ячейкам с красно-черными номерами и истощив всю свою энергию, замер в ячейке 17.

Крупье прочистил горло и объявил: «Семнадцать, черное». Затем зажал бронзовый цилиндрический маркер между указательным и безымянным пальцами, повернутой вверх ладонью поставил его на кучку фишек, закрывающих на поле цифру 17.

Габриэль мгновенно в уме подсчитал выигрыш и тихо выругался. Мужчина в шляпе потянулся за маленьким калькулятором, лежащим на зеленом сукне рядом с недопитым бокалом

коньяка. Наклонившись всем корпусом поближе к своему счастливому номеру, засыпанному фишками, он толстым указательным пальцем стал нажимать на клавиши калькулятора.

Габриэль увеличил на своем экране картинку. Игрок боялся, что крупье может его обмануть и назвать меньшую сумму. Словом, вел себя так, как будто находится не в ВИП-зале самого крупного казино в Армении, а в придорожном притоне возле вокзала. Потому что цифры, которые он набирал на калькуляторе, не имели ничего общего с предстоящей выплатой. Мужчина просто делал вид, что может сам подсчитать свой выигрыш.

Он и раньше так себя вел, особенно при крупной игре, и это скорее забавляло Габриэля, но сегодня сильно раздражало. За долгие годы работы в казино Габриэль выработал привычку спокойно относиться к любым результатам игры и не желать никому проигрыша. Но тут был случай особый.

Пару месяцев назад, когда Техасец, как его прозвали мониторщики, нанес в казино два визита и опустошил кассу на внушительную сумму, Габриэля вызвал к себе сам босс.

Суть беседы заключалась в следующем: можем ли мы позволить себе играть с ним и дальше, или же нужно дать Техасцу черную карту, занести в так называемый черный список. Казино, как частное заведение, вполне законно может заносить игроков в черный список по разным причинам, начиная от внешнего вида и кончая подозрениями в применении различных уловок. В список могут попасть и те, кто регулярно и непонятным образом постоянно оказывается в выигрыше. Последние случаи как раз по части Габриэля, «профессора игорных наук», как его за глаза называли сослуживцы. Он должен удостовериться, что игрок не использует какие-либо технические устройства для игры, должен знать, какая используется стратегия при игре в карты или рулетку, а также предугадать дальнейшее поведение игрока. Помимо всего этого, Габриэль должен принимать во внимание и другие, неочевидные моменты – степень азарта игрока, как долго он готов играть, насколько эмоционально воздействует на него выигрыш либо проигрыш и какая сумма денег является для него критичной и значимой.

По информации службы безопасности, Техасец занимался импортом кальянов из Эмиратов. Анализ игровых сессий показал, что на рулетке никакими стратегиями не пользуется, ставит всегда на одни и те же номера, правда, много ставит, очень много.

В общем, Техасцу не надо давать черную карту, а нужно запастись терпением и иметь достаточно денег в кассе. Так считал Габриэль, в отличие от Ани, его помощницы и правой руки в мониторинг. Это было в октябре, и с тех пор Техасец, как назло, умудрился ни разу не проиграть, и вот сегодня, в самый канун Нового года, он вновь явился и решил окончательно подпортить годовую статистику.

На экране монитора крупье тем временем шевелил губами и переводил взгляд от стопки фишек к потолку и обратно. Наконец он назвал цифру и вопросительно взглянул на инспектора, который восседал на высоком стуле за колесом рулетки. Тот важно кивнул в знак согласия.

Краем глаза Габриэль заметил, как сидящая неподалеку от него помощница, Ани, повернула к нему голову. Левая бровь у нее была выразительно приподнята, что означало – везет же людям. Габриэль никак не отреагировал, прислушиваясь в наушниках к тому, что происходило в ВИП-зале.

Крупье аккуратно, чтобы не рассыпать фишки, двигал внушительную горку с выигрышем. Техасец, стараясь, чтобы голос звучал как можно равнодушнее, не отрывая взгляда от фишек, спросил:

– И сколько тут?

– Шестьдесят пять тысяч пятьсот долларов, мистер.

Техасец повел левой рукой в сторону, чтобы рукав пиджака одернулся, затем согнул руку и посмотрел на часы.

– Разменяйте мне на крупные, – голос его звучал немного натянуто. – Повезло немного, но уже пора ехать.

Он взял стодолларовую фишку, лежащую сверху, и кинул крупье. Черная фишка с белым ободком, мягко скользнув по бархату стола, ударилась о бортик.

– Спасибо!

Ухоженными пальцами крупье подхватил фишку, постучал несколько раз о дерево и опустил в прорезь для чаевых.

Габриэль вздохнул и нажал кнопку.

– Уже посчитала, – раздался в наушниках чуть протяжный голос Ани.

– Ну и?

– За сегодня сорок три тысячи к нам, сто сорок шесть тысяч шестьсот от нас. Разница составляет...

– Это понятно, – прервал Габриэль, – а общий итог не подводила?

– Что-то чуть больше миллиона. Там платежи и выплаты были в том числе и по банковским картам, попозже могу дать точные цифры.

– Спасибо, – Габриэль положил трубку, снял очки и потер пальцами глаза.

Затем откатился на кресле с колесиками, за которым сидел уже часа три, и решил размяться. Несколько раз приподнялся на носках и снял пиджак. Повисев немного на металлической перекладине, закрепленной в углу, он подошел к Ани и дотронулся до ее плеча.

Она повернула к нему голову и сдвинула наушник с уха, чтобы слышать.

– Выведи мне кассу ВИП-зала, пожалуйста.

Ани набрала на пульте комбинацию цифр. Широкоугольная камера, установленная на стене за кассиром, показывала низкий серый металлический сейф слева, машинку для счета денег на синей стойке, на которую опускалось с потолка толстое прозрачное стекло. Человек в шляпе наблюдал за ловкими движениями работницы. Та доставала из прозрачных пластиковых коробок фишки, нарезая в четыре ровные стопки по пять фишек, затем снова собирала их в стек из двадцати фишек и клала справа от себя. Мужчина за стеклом достал маленький платочек, вытер лоб и наклонился к окошку.

Габриэль наклонился к голове Ани, она вывернула свой правый наушник, чтобы он тоже мог слышать. В динамике звучал немного напряженный голос: «...как в прошлый раз, у вас есть мой номер счета. А сорок три тысячи дайте, пожалуйста, наличными».

Ани усмехнулась:

– Чего он так волнуется? Можно подумать, больших денег не видел.

Габриэль пожал плечами:

– Вкусил азарт, легкую добычу. Не может поверить, что получает деньги так легко, еще и кайф от игры... Жалко его.

Ани выразительно ругнулась и тут же извинилась:

– Прости, шеф. Нас бы лучше пожалел, – она мотнула подбородком в сторону монитора, – а у него Новый год удался. Надо было все-таки выписать ему черную карту.

Ани была права в том плане, что в последний день уходящего года такой проигрыш казино оказался совсем не кстати и мог повлиять на размер годового бонуса всех работников мониторинга. Габриэль тяжело вздохнул и отошел в сторону, глядя на мерцающие экраны. Выхваченные изображения под всевозможными ракурсами моно было принять за кадры из немого кино, за тем исключением, что картинки были цветные, в HD-качестве, а происходящие на экранах страсти походили на вполне настоящие.

Он прошелся вдоль экранов и остановился за спиной одного из работников. Тот вывел на экран крупным планом светловолосую девушку и откровенно любовался ею. Габриэль тоже пригляделся. Красное облегающее платье с глубоким вырезом, ухоженное лицо с правильными чертами, зеленые искрящиеся глаза, ярко очерченный контур губ. В данный момент блон-

динка, запрокинув голову, беззвучно смеялась, выставив напоказ белую полоску зубов. Стоящий рядом смуглолицый менеджер с бородкой-эспаньолкой улыбался, видимо, довольный тем, что удалось рассмешить ее.

Мониторщик, очевидно, почувствовав чье-то присутствие, заметно напряг спину. Рука его на пульте перевела фокус камеры левее, на карты, лежащие перед крупье на бархатном синем сукне. «Мерилин Монро, ни дать ни взять, – подумал Габриэль, – только родинки не хватает. Аарон, конечно, не упустил шанс подойти и позубоскалить. Что на это скажешь? Менеджер не заперт в узкой комнате, вынужденный пялиться в мониторы. Он разгуливает по всему казино и общается с кем хочет, и это типа как входит в его обязанности».

Мысли его прервались, так как на пульте замигали лампочки вызова. Вспышки света весело перемигивались, отражаясь на полированной глади стола и экранах мониторов. Звонил босс. Нехорошее предчувствие, похоже, начинало сбываться.

2

Габриэль шел по коридору, устланному темно-зеленым ковровым покрытием, на ходу пытаясь представить разговор, понимая, что он будет нелегким. Охрана пустила его к боссу без лишних вопросов и переговоров по рации.

Затворив за собой массивную дверь, он невольно бросил взгляд на правую стену. В нее по всей протяженности был вмонтирован гигантский аквариум с пираньями. Огромная комната была освещена тремя плоскими хрустальными люстрами на потолке и несколькими бра на стенах, обшитых резными панелями из темного дерева. Дорогие кожаные диваны, кресла и столики были расставлены на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы вести private беседы двум, а то и трем компаниям. Прозрачный шкаф с наборами сигар, массивная хромированная холодильная камера с алкоголем, в самом углу поблескивал фужерами и бутылками небольшой квадратный бар. Окон не было, как и во всем казино, еле слышно пахло чем-то приятно травянистым.

Каждый раз Габриэль поражался размерам аквариума и количеству его прожорливых обитателей, серебристо-оливковой стаей проплывающих за стеклом. Габриэль где-то читал и с тех пор запомнил, что пиранья переводится с языка гуарани как «пира» – рыба и «ания» – злой. Сегодня они казались злее, чем обычно. В отличие от босса, который был сама любезность. Но все в казино знали – чем он любезнее встречает, тем тяжелее будет разговор.

Обогнув овальный, светлого ореха стол, за которым его почти не было видно, мелко семеня ножками, Левон, или как его все звали – Лео, быстро покотился навстречу Габриэлю. Маленький человечек с воздушным седым ореолом волос, костюм в незаметную полоску, манжеты розовой рубашки выглядывают из-под рукавов на правильное количество сантиметров, лакированные туфли безупречного вида. На лице приклеенная тонкогубая улыбка, слабое быстрое рукопожатие. Лео появился в казино примерно год назад и какое-то время не вмешивался в управление, но потом решил порулить, придираясь по любому поводу к менеджерам и видеомониторной. Ходили слухи, что он хочет в итоге заменить ключевые должности своими родственниками.

– Пойдем присядем, – он взял Габриэля за локоть и двинулся к большому столу для важных совещаний, за которым раз в месяц заседали руководители всех подразделений казино.

– Вы, надеюсь, хорошо помните содержание нашего последнего разговора здесь? – убийственно вежливым тоном начал он, мимолетно улыбнувшись, когда они уселись на соседние стулья с высокими спинками, стоящие за длинным полированным столом.

Лео наклонил голову, исподлобья глядя на Габриэля. Его подвижный водянистый взгляд, как обычно, перебежал от одного зрчка собеседника к другому и наоборот.

Эта его особенность смотреть на тебя, как будто твой правый глаз играет с левым в пинг-понг, а босс наблюдает за невидимым шариком, долгое время сбивала Габриэля с толку, пока он не научился во время не таких уж частых встреч с боссом твердо смотреть тому в переносицу, прямо между светлых кустистых бровей.

Габриэль попытался было перехватить инициативу:

– Если хотите знать мое мнение по поводу сегодняшней игры Техасца, то мое мнение...

– Ваше мнение, Габриэль, вы достаточно четко высказали в прошлый раз. Или хотите сказать, что оно поменялось?

– Не поменялось. Нет причин закрывать ему игру, ему просто везет.

Лео улыбнулся, откинувшись в кресле, снял с руки тяжелые часы с металлическим браслетом и принялся вертеть их в руке.

– Скажите, какой у вас стаж работы?

– В общей сложности пятнадцать лет.

– Я, как вы знаете, здесь уже год и до недавних пор старался не вмешиваться ни во что, полагаясь на опыт менеджеров и ваши, Габриэль, как все считают, гениальные способности. Но в последнее время мои партнеры из Москвы стали какие-то нервные, и я тоже стал задавать себе вопрос: а вдруг мы что-то делаем неправильно? Почему у нас такие скачки по прибыли?

– Если учитывать периоды длительных выигрышей, то...

– Мне плевать на периоды, – Лео начал говорить медленно, четко произнося каждое слово. – Меня волнуют деньги, большие деньги, которые мы, – он ткнул часами в сторону Габриэля, – с вашей рекомендацией проиграли!

Шеф начинал заводиться, а это ни к чему хорошему не могло привести.

– Это не так. Игра ведь не окончена, он продолжает приходить, приносит немалые деньги.

– А уносит еще больше, – в голосе Лео появились визгливые нотки. – И сколько еще прикажете мне терпеть?

Габриэль почувствовал, что тоже начал понемногу раздражаться. Пожал плечами.

– Играет он рискованно, ставит всегда на одни и те же номера. Достаточно лишь одной непродолжительной серии номеров, на которые он не ставит, и он кинется отыгрываться, а это то, что нам нужно. В любой день ситуация может поменяться. По теории вероятности его шансы на каждый последующий выигрыш все уменьшаются.

Лео откинулся в кресле, тонкие губы быстро разошлись в улыбке, будто их растянули пальцами по краям.

– Вот сегодня ситуация и поменяется, – улыбка исчезла так же быстро, как появилась. – Когда играешь на бирже, в программе есть такая кнопка, stop loss называется. Когда начинаются убытки и по достижении определенного порога нужно всего лишь нажать эту кнопку.

Он встал, чтобы смотреть на Габриэля сверху вниз, но так как Габриэль был очень высоким, на самом деле его голова оказалась ненамного выше.

– Вот эту кнопку я сейчас и нажимаю. Можете известить своего Техасца, что ему закрыта у нас игра. Не думаю, что он пойдет куда-нибудь жаловаться.

– Во-первых, это не я извещаю, а менеджер казино. Мониторная не общается с игроками, – Габриэль нарочно проговорил очевидный для Лео факт. – Во-вторых, считаю это неправильным.

– Неправильным, говорите? А если обнаружится, что этот ваш Техасец использует нечто такое, – он неопределенно поводит часами в воздухе, – что позволяет ему постоянно обыгрывать нас, а вы этого не в состоянии выявить? Как мы тогда поступим? Может, – он щелкнул пальцами в воздухе, – ваша методика и интуиция дали сбой? Как, кстати, ваше зрение?

Габриэль промолчал. Лео выдержал паузу, снова быстро улыбнулся, надел часы обратно на запястье, повернулся и пошел к своему овальному столу. Разговор был окончен, Габриэль тоже встал и пошел к выходу. Повернул бронзовую рукоятку и толкнул тяжелую дверь.

– Габриэль!

Он обернулся.

– Надеюсь, вы понимаете, что пока ни о каком годовом бонусе речь не может идти. Вы же не будете отрицать, что это справедливо?

Вот предчувствие и сбылось. Несмотря на неважное зрение и приличное расстояние от дверей до кабинетного стола, Габриэлю показалось, что шеф улыбается. Он постарался изо всех сил сильнее хлопнуть дверью, но у него ничего не вышло, дверь была уж слишком массивная для таких жестов.

3

До конца смены было еще достаточно времени, но Габриэль, пользуясь своим положением и сложившимися обстоятельствами, решил, что больше ему невоюет тут оставаться. «Разозлился на Лео? Признай, что он по-своему прав, – в голове запустился обвинительно-язвительный монолог, как только он вышел из кабинета, – поставь себя на его место. Сам виноват, на хрена нужно было заступаться за этого Техасца? Ну закрыли бы ему тогда вход в это казино, он и поехал бы в другое. И все довольны. А чего ты добился? И казино проиграло, и сам бонуса лишился. Теория вероятности... периоды длительных выигрышей... тьфу!»

Не заходя в мониторинговую, дабы избежать расспросов Ани, он напрямик двинулся к служебному выходу. Во время пересменок тут стоял шум, несмотря на смещенный график, чтобы все службы подходили в разное время и не толпились. В квадратном помещении находились две гардеробные, после которых нужно было подойти к рядам стеллажей и сдать охранникам мобильные телефоны. После этого новая смена казино проходила через рамку металлоискателя и разбредалась по своим подразделениям, где переодевалась в униформу с зашитыми карманами – мера против воровства фишек.

Около семи часов утра и семи вечера тут собирались крупье, пит-боссы, менеджеры, официантки и бармены, девушки с ресепшена и кассиры, охранники и техслужба, и без униформы сразу было и не разобрать, кто есть кто, даже если знать их в лицо.

Охранник в синей фуражке сонно посмотрел на Габриэля, взял номерок и выдал мобильный. Пока гардеробщица искала пальто, Габриэль проверил телефон. Пропущенная вечером эсэмэска. «Пожалуйста, позвоните в клинику» – от этого сообщения у него участился пульс. Габриэль приложил бумажник, в котором лежал электронный пропуск, к окошечку турникета и вышел через раздвижные двери на улицу.

На парковке было еще темно и достаточно морозно. Он сел на ледяное кожаное сиденье и, пока двигатель прогревался, приоткрыл окно, закурил и набрал номер, с которого пришло сообщение. Никто не отвечал.

«Неужели все-таки нужна операция?» Двадцать пять тысяч долларов, именно столько стоила операция за границей. Десять с небольшим у Габриэля имелось на карточке и, так как близился конец года, он ожидал выплаты большого годового бонуса от казино, но об этом уже можно было забыть. Воспаленные глаза, как всегда в минуты волнения, защипало еще сильнее. Он снял очки и приложил холодные пальцы к векам, потом глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

Войдя в теплое приемное отделение клиники, он снял и протер шарфом запотевшие очки, сдал пальто, надел белый халат и получил пропуск у администратора. Габриэля тут уже все знали в лицо с того дня, когда после аварии он приехал сюда вслед за машиной скорой помощи.

Скрипучий лифт, в котором пахло медикаментами, с ощутимым усилием добрался до третьего этажа. Толкнув дверь с надписью «Резанионное отделение», Габриэль прошел по коридору, свернул направо и остановился на пороге перед нужной палатой. Наверное, там бабушка или бабушка, подумал он, они обычно по очереди дежурят возле маленькой Софи.

Палата была небольшая, с желтоватыми стенами, противоположная от входа стена открывалась окном на дворик, люминесцентные лампы с потолка ровным белым светом освещали кровать, аппарат искусственного дыхания и еще какие-то приборы рядом, пару тумбочек, шкаф и умывальник в углу. У кровати вполборота к двери сидел седой человек в белом халате с книгой. Габриэль подошел поближе и остановился. Спящая девочка казалась совсем крошечной на больничной койке, спокойное лицо наполовину закрыто прозрачной маской для искусственного дыхания. Впервые с того дня Габриэля вдруг охватило легкое умиротворение. Почти

с академической отстраненностью он представил, как она открывает глаза, садится и улыбается ему.

Он посмотрел на белоснежные бинты на голове и вспомнил, как прижимал к себе Софи, сидя на снегу, и смотрел на окровавленные волосики возле лба. Подъехавшей позже полиции он тогда не сказал, что авария произошла по его вине. Что он на миг отвлекся на сообщение в мобильном, а мать девочки, пытаясь избежать лобового столкновения, не справилась с управлением и вылетела с заледеневшей дороги в овраг. Габриэль сказал, что проезжал мимо и увидел уже перевернувшуюся машину.

Оказалось, дедушка дремлет с открытой книгой. Он вдруг встрепенулся, вскинул голову и, узнав Габриэля, поднялся с кресла, чтобы протянуть сухую и твердую, как кусок высохшего дерева, ладонь. Они отошли к окну и стали говорить шепотом, хотя шепот, скорее всего, был лишним. Габриэль присел на подоконник, чтобы старику не приходилось задира́ть голову.

Вид у того был неважный, мешки под красными глазами, наверняка всю ночь провел в кресле и почти не спал.

– Вечером тут целая куча врачей собралась, совещались о чем-то, я не понял. Мне они ничего не сказали, но надеюсь, что все хорошо, – в его интонации сквозил вопрос, но еще больше надежда.

– Я тоже думаю, что все хорошо, – Габриэль постарался, чтобы голос звучал убедительно. – Знаете что? Идите домой, отдыхайте, я посижу тут.

Старик неуверенно посмотрел на круглые часы, висящие над дверным проемом:

– Я бы посидел еще, пока супруга придет. Мы с ней на 10 утра договаривались.

– Нет, не нужно. Я же вижу, что вы устали, да и ни к чему вам тут сидеть. У меня времени много, с доктором еще поговорить надо, он мне звонил.

Когда закрылась дверь, Габриэль уселся на еще не остывшее кресло. Еще одной причиной, почему он спровадил дедушку, являлось то, что ему тяжело было видеть стариков в их горе. Они, конечно, не знали, что это Габриэль фактически убил их дочь, сидящую за рулем того Peugeot. Напротив, в их глазах он стал неким ангелом-спасителем, и это была гениальная идея Гора.

– Послушай, – сказал он в тот день, когда они сидели у Габриэля и опустошали на двоих бутылку виски. – Ты хочешь навещать эту малышку и ты хочешь ей помочь, но надо, чтобы такая забота была чем-то оправдана, помимо обычного человеколюбия. А что, если мы тебя сделаем директором-распорядителем благотворительного фонда?

Хотя многие, кто его знал, считали Гора довольно бестолковым во всем, что не касалось компьютера или тягания железа в спортзале, он частенько был способен на нестандартные озарения. За один день Гор сделал довольно убедительный сайт несуществующего благотворительного фонда и даже напечатал несколько солидных визиток, после чего Габриэль от имени фонда оплатил Софи хорошую палату и надлежащий уход в клинике.

Габриэль протянул руку и потрогал лобик Софи, затем наклонился и прислушался к дыханию. Не верилось, что она сейчас находится в травматической коме и подключена к системе искусственного жизнеобеспечения. Казалось, что девочка сладко спит и поэтому нельзя шуметь, чтобы не разбудить ее. Габриэль сидел неподвижно, потом наклонился и стал пристально вглядываться в лицо девочки, пытаясь уловить мельчайшее движение ресниц. Вскоре глаза защипало от напряжения, он откинулся на спинку, прикрыл веки и провалился в дремоту.

Девочка открывает глаза, поворачивает голову и смотрит прямо на него, спокойно и серьезно. Он чувствует ее взгляд, но боится посмотреть ей в глаза. «Интересно, какого цвета ее глаза? – думает он. – Мне нужно это знать».

«А какого цвета были глаза у твоей неродившейся дочери?» – раздаётся откуда-то голос Тани.

«Что ты тут делаешь? – Габриэль смотрит вокруг, но ничего не видит без очков. – Мы же давно расстались, оставь меня в покое, не мучай. Уходи, прошу тебя!» Но она не уходит, шепчет ему прямо в ухо: «Кстати, ты ведь помнишь, мы ведь тоже собирались ее назвать Софией, в честь твоей любимой бабушки. Но ты прикончил нашу малышку. И это не я тебя мучаю, а твоя совесть». Габриэль отмахивается от назойливого голоса, почти кричит: «Не смей больше так говорить! У тебя был обыкновенный выкидыш!»

Габриэль в отчаянии закрыл уши ладонями и проснулся так же внезапно, как и уснул. В палате все было по-прежнему. В изголовье кровати был втиснут плюшевый львенок, потрепанная оранжевая грива ярким пятном выделялась на фоне белой подушки. В ногах на темно-синем одеяле лежала открытая книга. Он взял ее в руки.

«...и сейчас же все, кого коснулась волшебная палочка феи, заснули. Заснули ровно на сто лет, чтобы проснуться вместе со своей хозяйкой и служить ей, как служили прежде. Заснули даже куропатки и фазаны, которые поджаривались на огне. Заснул вертел, на котором они вертелись. Заснул огонь, который их поджаривал».

Он почувствовал в горле сухой комок и стал перелистывать дальше, чтобы добраться до счастливого конца.

«Принцесса проснулась, открыла глаза и взглянула на своего избавителя.

– Ах, это вы, принц? – сказала она. – Наконец-то! Долго же вы заставили себя ждать!..»

Слез не было, и все же Габриэль беззвучно плакал, грудь и плечи непроизвольно сотрясались. Через некоторое время это прошло, и он почувствовал облегчение. Встав с кресла, Габриэль наклонился, прикоснулся губами к теплому лбу и прошептал:

– Девочка моя, ты выздоровеешь и скоро проснешься, я тебе обещаю.

4

Пока он умывался холодной водой из-под крана и вытирал лицо полотенцем, заглянула пожилая санитарка со скуластым лицом и немного раскосыми глазами. Поздоровавшись, подошла к капельнице возле кровати и стала менять пластиковый пакет с жидкостью.

– Ну что? – Габриэль смотрел, как ловко она управляется с краниками и длинными трубками.

Санитарка бросила на него быстрый взгляд.

– Вам бы лучше с лечащим врачом поговорить. Зайдите к нему, пока не ушел домой, у него смена заканчивается скоро.

Кабинет врача был маленьким помещением, заставленным слева стеллажами с папками. Почти посередине расположился письменный стол, на котором горела лампа с черным металлическим абажуром, позади под стеной – узкая кушетка.

Врач, видимо, уже собирался уходить, так как на нем был вязаный бежевый свитер с высоким воротом, доходящим до небритого подбородка и щек. Он крепко пожал протянутую руку и показал на стул. Усевшись напротив, он стал разбирать какую-то стопку бумаг. Габриэль впервые видел его без больничного халата, и он не производил впечатление высококлассного врача, каким он считался, а скорее напоминал обычного добродушного человечка, которые встречаются каждый день, вполне еще молодого, с небольшим животиком, лысеющей головой и грустными глазами. Лицо его было озабоченным, и Габриэль молча ждал, страшась того, что может услышать. Наконец врач сказал:

– Я вчера собрал консилиум, мы все пришли к единому мнению, что, хотя и положение ее стабильное, то есть тяжело стабильное, – уточнил он, – вполне вероятен и худший сценарий.

У Габриэля перехватило дыхание. В глубине души он был уверен, что она идет на поправку.

– Конечно, можно оставить все как есть, история знает много таких удачных случаев. Теоретически человек может выйти из комы через неделю, месяц, год, а может никогда не выйти. Но в нашем случае, скорее всего, ожидание ни к чему хорошему не приведет.

Габриэль прочистил горло.

– Что за худший сценарий?

Осознав бессмысленность вопроса, он поправился:

– Сколько у нас есть времени, доктор?

– Не знаю, – врач вздохнул. – Но желательно, чтобы мы были готовы к операции...

– Да, – перебил его Габриэль, – надо кое-что согласовать, и со дня на день мы оплатим операцию.

Врач вздохнул.

– Учитывая, что девочку крайне нежелательно будет транспортировать, мой коллега, израильский специалист, про которого я говорил, он готов сам прилететь, – врач развел руками, – операция исключительная, отсюда и такая цена...

Он потер переносицу большим и указательным пальцами.

– Я так понимаю, что у девочки, кроме бабушки с дедушкой, нет родных? Где ее отец? Его можно найти?

– Я уже наводил справки, – слова выдавливались из Габриэля с большим трудом. – Он ушел из семьи еще до рождения Софи. После ее рождения ни разу не навещал их.

– М-да... Девочке не везло с самого начала. Значит, придется брать разрешение на операцию у бабушки с дедушкой. Вы с ними обсуждали это? – он поднял глаза.

– Нет, – промолвил Габриэль, – об этом мы не говорили, я вообще надеялся, что обойдется без операции. Ведь оставался же шанс, вы сами говорили.

– Боюсь, теперь этого шанса нет, – тот снова вздохнул, – теперь у нее кома второй степени, так называемый сопор.

– Доктор, могу я вас попросить об одолжении? Не говорите им, пожалуйста, сколько стоит операция. Пусть хоть об этом у них голова не болит.

– Это вряд ли, – врач помотал головой и встал. – Вы же должны знать порядок таких процедур. Этого никак не скрыть. Я подготовлю необходимые бумаги, а вас попрошу поговорить с ними, подготовить. Отдайте им вот это, – он протянул файл с документами. – Это их согласие на операцию, пусть прочитают. А это счет, куда следует деньги перечислить.

Габриэль сложил счет пополам и положил в кошелек. Они попрощались, и Габриэль направился в палату, сжав пальцами до боли в костяшках пакет с документами. «Наш фонд... в котором нет денег, да и фонда никакого нет». Он осторожно толкнул дверь. Бабушка Софи о чем-то тихо разговаривала с санитаркой. Вскоре санитарка вышла.

Маленькая, немного сгорбленная старушка, в белой шерстяной кофточке, она неплохо держалась, несмотря на свалившееся на них горе. Габриэль это заметил еще несколько дней назад на похоронах. Ему трудно было смотреть ей в глаза, и он снял очки, потому что так все расплывалось. Он начал ей что-то говорить, и когда она поняла, о чем идет речь, то выпрямилась и прервала его:

– Почему вы так верите этим врачам? Сколько это будет стоить?

– Вам это не будет стоить ничего, мы все расходы берем на себя.

– Нет, мы не дадим нашего согласия.

Габриэль надел очки и недоуменно уставился на нее:

– Но почему? Из-за денег? Послушайте, фонды ведь существуют именно для этого, мы...

Она замотала головой:

– Нет, дело не в этом. Софи выздоровеет, я молилась все эти дни Господу, и он услышал меня.

Она говорила почти шепотом, но с такой силой, что Габриэль начал понимать, что никакими доводами до нее не достучаться, но все же попытался:

– Давайте не будем сейчас ничего решать. Врач уже ушел, но вам нужно обязательно с ним поговорить, хорошо?

Старушка дотронулась до его руки:

– Молодой человек, мы вам очень благодарны за все, что вы делаете, правда. Но, пожалуйста, не нужно меня уговаривать, я уже все решила.

Ему ничего не оставалось, как попрощаться и уйти.

5

Утро выдалось ясным и солнечным, каким оно бывает в особо морозные дни. Контур заснеженного Арарата, словно голограммой нависшего над городом, выделялись так четко, что казалось, будто библейский исполин находится совсем рядом. Он просматривался отовсюду и гипнотизировал, надолго приковывая взгляд. Несколько небольших ярко-белых плотных облачка как будто вмерзли в ледяную синь неба на уровне нижнего хребта, делая пейзаж похожим на бесчисленные идиллические картины, продававшиеся туристам по выходным дням на вернисаже.

На улице уже было много машин, люди торопились делать последние новогодние приготовления, и Габриэлю потребовалось немало времени, чтобы добраться домой. Парковка находилась недалеко от девятиэтажного дома, но он успел основательно продрогнуть и, как только переступил порог, быстро разделся и залез под душ.

Под горячими струями Габриэль чувствовал, как холод, напоследок покалывая тело мелкими иголочками, уходит, уступая место теплой истоме. Насухо вытершись, он надел халат, достал из холодильника бутылку пива и устроился на большом диване, включил на музыкальном центре Pink Floyd и, нацепив на голову наушники, взял в руки валявшийся на диване фолиант, открытый на книге пророка Осии.

Такая комбинация – пиво, неземная музыка и тексты, написанные тысячи лет назад, – помогали ему расслабиться и принять верное решение. Но сейчас он во сне, уже в который раз, безуспешно выламывал камнем стекло красного Peugeot, пытаясь добраться до маленькой девочки на заднем сиденье и девушки, мертво навалившейся головой на руль.

Он очнулся через три часа, в маленькой квартирке-студии царил полумрак. Тяжелые шторы не пропускали дневной свет, так и было задумано, потому что из-за ночных смен приходилось спать днем. Уже много лет работая по такому графику, он приучил себя спать днем, выпив пива или порцию-другую виски, задернув шторы и отгородившись от всех шумов либо берушами, каких у него набралась целая коллекция, довольно разнообразная, либо музыкой в наушниках. Когда же выпадал выходной день, Габриэль спал по три-четыре часа днем и столько же ночью.

В голову сразу стали лезть мрачные мысли, но он щелкнул пальцами и попробовал сконцентрироваться. Часто такое у него получалось. Эту способность быстро переключать внутреннее состояние и следить за тем, о чем думаешь, Габриэль начал вырабатывать еще подростком, когда в городской библиотеке ему попало какое-то произведение про гипноз. Книжка была не самая лучшая, но тема его так заинтересовала, что потом он перечитал много чего на тему сознания и управления им. Но сегодня ничего не помогало, никак не удавалось сосредоточиться на том, где достать деньги, а еще и уговорить стариков дать разрешение на операцию.

За машину много не дадут. Заложить или продать квартиру? Он плохо представлял себе, как это делается. Нет, не годится, слишком мало времени. Надо прибегнуть к чьей-то помощи, попросить займы. У Гора денег нет, других друзей, во всяком случае таких, кому можно вот так запросто позвонить по поводу такой суммы, тоже нет. Вернее, какие-то богатые знакомые были в той прежней жизни, пока Габриэль сам не отгородился и от них, и от этой жизни.

Он закрыл глаза и, пользуясь натренированной памятью, на всякий случай мысленно прошелся по записной книжке, сверху вниз, по алфавиту. Он отыскал несколько кандидатур, но, тщательно поразмыслив, решил, что бессмысленно к ним обращаться. «Думай, гениальная бесполезная башка, думай скорее», – приказал он себе, хотя знал, что это не работает. Решение обязательно придет, но для этого нужно расслабиться и отпустить проблему. Так всегда было.

6

Вечером Габриэль разослал всем знакомым новогодние поздравления по СМС и электронной почте. Позвонил тем, кого следует поздравить по телефону, принес извинения тете, у которой договаривались отметить Новый год, сославшись на то, что неважно себя чувствует.

Положив трубку, он почувствовал укол совести. В последние годы тетя болела. У нее самой не было ни детей, ни мужа, она приходилась старшей сестрой его отцу и фактически вырастила Габриэля после того, как лыжную группу, в которую угораздило попасть родителям, накрыло снежной лавиной в предгорьях Эльбруса. Тетя и ее мать, его любимая бабушка София, скончавшаяся уже больше десяти лет назад, стали его родителями на долгие годы.

Поколебавшись какое-то время, он все-таки позвонил Тане, поздравил ее, выслушал ответные формальные поздравления. Больше им говорить было не о чем, он отключил телефон и уставился в белесое от мороза окно.

С Таней они сошлись на вечеринке у одного знакомого и через два страстных месяца после знакомства поженились, поставив ее семью перед фактом. Она подыскивала новую работу и с подсказки Габриэля поступила в казино на должность старшей официантки, тоже по смешанному графику, как и почти все в казино. Дома они встречались урывками. Недовольство Тани росло и усугублялось тем, что она не переносила алкоголь, без которого Габриэль никак не мог заснуть после ночных смен. Еще ее раздражало его курение, но с этим все уладили – он стал выходить курить на балкон, а затем тщательно полоскал рот специальной жидкостью. Он пробовал научиться спать без выпивки, но так ничего и не добился, пробовал пить снотворное, но после забытья, в которое таблетки вгоняли его мозг, он чувствовал себя сомнамбулой и не мог сосредоточиться на работе, где как раз требовалось задействовать мышление. Компромисс, скорее похожий на ультиматум, был найден в виде одной баночки пива перед сном, и за этим Таня рьяно следила, вызывая молчаливое раздражение Габриэля. Но затем появилась еще одна тема для разногласий.

Таня была из религиозной молоканской семьи, предки которой в 1836 году поселились возле Арарата из-за пророчеств о начале тысячелетнего царства Христа. В первое время Габриэль не догадывался, насколько сильно Таня подвержена влиянию богобоязненной родни. То, что она в силу страсти и своего протестного характера стала встречаться с Габриэлем и временно отстранилась от семьи, вовсе не означало, что и семья отстранилась от нее. Вся община беспрекословно слушалась властного деда по матери, получившего в свое время церковное образование. А он считал поголовно всех, кто связан с игрой, посланниками дьявола. Поэтому, прознав через какое-то время о новой работе Тани, дед собрал семейный совет, на котором было решено, что она должна уйти из казино, а заодно и уговорить Габриэля сменить вид деятельности.

Тот решительно не понимал, о чем речь.

– Послушай, большинство людей просто не знают, что такое казино. Там не только проигрывают, но и выигрывают много, казино лишь небольшую комиссию имеет с игр. Во все времена люди играли и будут играть, это нормально. А в современном казино все очень цивилизованно устроено, безо всякого обмана, уж поверь мне! Если на то пошло, куда хуже алкогольный или, например, табачный бизнес, они миллионы жизней уносят!

– Ты ведь был выдающимся математиком... У тебя такая феноменальная память, неужели нельзя куда-нибудь устроиться? У тебя зрение село на этой работе. К тому же пьешь постоянно.

– Баночку пива перед сном?! Вот после таких разговоров хочется выпить по-настоящему.

– Потом, казино – не богоугодное дело, – опустив глаза, говорила Таня.

– Где про это сказано в Библии? Кто это говорит, твой дед? – возмутился Габриэль. – Мне нравится моя работа, я там востребован как раз из-за этих способностей, про которые говоришь.

В конце концов было решено не касаться темы работы, Таня ушла из казино, их споры сошли на нет, а еще через какое-то время она забеременела. Габриэль поначалу не мог представить себя отцом, но со временем стал жить в предвкушении рождения малышки. Ему пришлось единым духом принять множество решений, и он это сделал с удовольствием. Снять квартиру побольше, обставить ее, поменять машину на подержанную, но более приспособленную для семьи. Таня, как это часто бывает с беременными, похорошела и выглядела еще женственней и беззащитней. Ожидание рождения придало новые оттенки их отношениям и обострило чувства.

Однако спустя три месяца, возвратившись после выходных из дома деда, Таня неожиданно вновь завела разговор об уходе Габриэля из казино. Габриэль, сильно уставший после четырех смен без выходных, не смог сдержаться и вспылал. В процессе разговаривая, как пожар, словесной перепалки он демонстративно накачивал себя виски. В итоге Таня убежала ловить такси, а он в мрачном настроении прикончил всю бутылку, выкурив прямо в квартире полторы пачки сигарет, и заснул мертвецки пьяным.

На следующий день он полдня боролся с дикой головной болью и тошнотой, потом попытался связаться с Таней по мобильному. Не дозвонившись, набрал домашний номер и узнал, что Таню забрала скорая. Кинулся в больницу, но его не пустили к ней, ссылаясь на состояние после выкидыша. Наутро дед вместе с ее матерью приехали в больницу и, несмотря на все протесты и мольбы Габриэля, Таня уехала с ними.

После первых отчаянных попыток вернуть жену Габриэль решил взять паузу в надежде на то, что время как-то загладит психологическую травму Тани после потери ребенка, но и спустя месяцы она по-прежнему не хотела с ним разговаривать. Случившееся с ними она, не без внушения деда, называла Божьей карой. Габриэль прошел все стадии от озлобления до депрессии, затем чуть было не запил, но вовремя остановился благодаря Гору. С тех пор прошло больше года, в итоге Габриэль инстинктивно, не отдавая себе отчета, нашел выход в том, чтобы заморозить в себе все чувства, чтобы ослабить вину и горечь.

Зазвенел телефон, вытащив его из омота воспоминаний. Это был Гор, который заявил, что ему неохота никуда идти праздновать: «Я только заскочу мать поздравить – и к тебе». Габриэль завершил вызов и решил, что пока не стоит говорить Гору про разговор с врачом.

Ближе к полуночи Гор ввалился с двумя коробками пиццы и бутылкой колы, что означало, что он не прочь, если его угостят виски. Хотя Габриэль знал Гору с незапамятных времен, он не переставал удивляться полному несоответствию внешней, так сказать, оболочки Гора и его внутреннего содержания. Чуть выше среднего роста, физически чрезмерно развитый, вечно небритый – в общем, производящий на незнакомых с ним людей впечатление типа, с которым лучше не ссориться, а еще лучше держаться подальше. Лишь в узком знакомом кругу знали, что за агрессивной внешностью прячется причудливый увалень, не очень приспособленный к практичной жизни.

Хлопнув тяжелой ручищей Габриэля по плечу, он двинулся было в комнату, но Габриэль вовремя притормозил его, схватив за куртку и заставив раздеться.

Габриэль достал из холодильника лед, бутылку Black & White и вместе со стаканами поставил все на низкий столик, на котором Гор уже успел развернуть деятельность по набивке своей любимой трубки. Он доставал из кисета небольшими порциями табак и уминал его в трубке сначала большим пальцем, затем специальной хромированной топталкой. Поджег трубку, коротко попыхивая и выдувая голубоватые облачка дыма.

– Чего ты эту гадость куришь? – прищурившись от дыма, он мотнул головой в сторону сигарет. – У тебя же трубка есть, тащи ее.

– Не хочется.

Гор недовольно повел головой и взглянул на наручные часы, с которыми не расставался ни днем, ни ночью – огромный хронометр, определяющий все параметры окружающей среды, включая радиацию.

– Пора. Ну что, друг мой, – он взял стакан, кажущийся в его лапище крохотным наперстком, – с Новым годом тебя! Здоровья нам всем и в первую очередь выздоровления Софи! Чтобы ты наконец спортом занялся, глянь на себя – кожа да кости. Зрением своим займись в новом году. И давай бросай курить или переходи хотя бы на трубку. Остальное фигня, образуется.

Габриэль взял свой стакан:

– Спасибо за пожелания! Ну и тебе ума-разума набраться в новом году.

Они чокнулись и выпили, затем Гор разрезал пиццу своим суперножом, который хранил в тайном самодельном отсеке в подошве ботинка. Зачем Гор держал в подошве нож, было загадкой даже для Габриэля, разве что эффектно и быстро извлекать его – раз, и нож уже в руке.

Спустя час Гор предложил поколотить босса казино:

– А что? Ты этому козлу столько денег заработал, а он с тобой вот так? Нет, для начала я с ним по-хорошему потолкую, если не поймет, тогда... – он ударил кулаком правой руки по ладони левой.

– Хватит болтать ерунду, – бормотал Габриэль.

– Да я серьезно.

– Ну тем более, если серьезно. В казино не в бирюльки играют, это серьезный бизнес, и он был прав. Я не должен был допустить такой проигрыш. И ты не в кино, там люди покруче нас с тобой, в лучшем случае закончится тем, что я стану безработным и буду сидеть возле тебя, кормить из ложечки.

Гор несогласно повел головой, криво улыбнулся и стал вычищать трубку, затем озорно посмотрел на Габриэля:

– Слушай, а если шантаж?

– То есть?

– Наверняка за ним что-то числится такое, казино же все-таки. Что-то такое, из-за чего в его казино никто ходить больше не будет. Можно пригрозить, что информация станет доступной конкурентам, те с радостью уцепятся за такое. Представь только, какие убытки! Кстати, в этом варианте тебе нельзя подставляться, я сам этим займусь, ты мне только материал дай.

Габриэль вздохнул и разлил остатки виски по стаканам.

– Ну правда, – с энтузиазмом продолжал Гор. – Да за такой материал любые бабки согласится отдать!

– Какой такой материал?

– Ну не знаю, наверняка же есть какой-нибудь мухлеж с картами или с аппаратами. В рулетках магниты разные, я в кино видел. Тебе же лучше знать, это твоя стихия, я только базовую идею предлагаю.

Габриэль протянул ему стакан:

– Это тоже из области кино, дружище, нет в казино ничего этого. Наоборот, все только и думают, как бы казино облапошить. Давай допивай и дуй отсюда, хватит на сегодня.

Гор опрокинул в себя остатки в стакане и встал:

– Зря ты, оба варианта рабочие, особенно с шантажом. Если он нечестно нажил деньги, мы обязаны их забрать и пустить на благое дело.

Он оделся и, уходя, на пороге обернулся и ткнул в Габриэля пальцем:

– Ты подумай все же.

Телефон зазвонил в 5.10 утра. Габриэль, сощурившись, безуспешно пытался разглядеть на экране вызывающий номер.

– Габриэль, извини, разбудила, наверное, – раздался в трубке тихий голос Ани, – нужна твоя помощь.

Габриэль нащупал наконец очки, надел и направился на кухню, по пути щелкнув выключателем света. Во рту было очень сухо.

– Из туалета звоню.

Габриэль знал, что Ани зря звонить с работы не будет. Это запросто могло стоить ей должности, всем работникам казино запрещено проносить телефоны в здание в целях безопасности, а уж тем более работникам видеонаблюдения, у которых столько информации. Но Ани, с ее дерзким характером, частенько нарушала правило, особенно в смены, когда дежурила без Габриэля – чтобы можно было тайком у него спросить совета в критических ситуациях.

– Рассказывай, – он поставил телефон на громкую связь, достал из пачки сигарету и прикурил.

– Парочка, миленькие такие из себя, первый визит, вроде как муж с женой, отметили Новый год у нас в ресторане, и сейчас с тысячи долларов у них на руках около ста.

– Если бы они словили флеш-рояль, ты бы не звонила. Что-то не чисто?

– Ты прав, ничего крупного не поймали. Чувствую, что химичат, но ничего такого не вижу. Тем более что смотреть приходится только за ним, он за нее играет. Женщина говорит, что не умеет. Но не верю, уж сильно прет им.

Габриэль налил в стакан воду и залпом выпил.

– Смотри, как сделаем. Иди садись за мой стол, там никто не увидит, что ты с мобильником. Покажи мне по скайпу монитор, посмотрю на них. Приближай с разных ракурсов. Показывай до тех пор, пока я не отключусь, тогда иди снова в туалет.

Габриэль успел сварить кофе и включить компьютер, прежде чем Ани позвонила. На экране элегантно одетая высокая женщина оживленно болтала с инспектором, сидящим с краю стола и контролирующим игру. Ее спутник, брюнет с бородкой, рассматривал выданные дилером карты. Ничего особенного. Руки с картами держит на виду, на столе ничего нет, только бокал с коньяком.

Габриэль внимательно смотрел дальше. Вот дилер тасует карты, пододвигает мужчине колоду, тот подрезает, не особо вглядываясь. Дилер раздает по пять карт на нарисованные квадратики-боксы перед ним и женщиной. Мужчина берет свои карты, смотрит и кладет их на место. Затем берет ее карты с соседнего бокса и делает то же самое. Сдается, скидывает эти карты дилеру. Снова смотрит свои карты, решая играть тут или нет, и наконец ставит фишки перед картами.

«Катала высшего класса». Габриэлю захотелось поближе рассмотреть его лицо, но Ани держала камеру на картах. Наконец, видимо прочитав его мысли, она крупным планом вывела на монитор его лицо с красивыми дугообразными бровями и тонким носом. Габриэль выключил скайп. Через минуту Ани позвонила.

– Ани, надо останавливать игру, пока они не пошли в кассу, – Габриэль снял очки. – Женщина отвлекает внимание инспектора, а «муженек» зажимает в ладони ненужную карту со своего бокса, кладет ее в карты второго бокса, а оттуда переносит нужную карту к себе, тем же способом. В итоге на обеих руках улучшает комбинации.

Ани шепотом выругалась.

– Вот козел драный. Все глаза высмотрела!

– Даже если бы ты рядом стояла, все равно не увидела бы, это работа маэстро. Он, кстати, у нас в черном списке числится как мошенник из Грузии. Насчет козла не согласен, борода у него ненастоящая. Разущи его в базе, по-моему, мы его пару лет назад закрывали, скажи менеджеру, пусть игру останавливает и решает, что с ними делать.

– Чувствую себя такой дурой! Спасибо тебе, Габриэль, ты и вправду гений, – прошептала Ани.

– С Новым годом тебя, выходи уже из туалета, пока не застучали.

Он приоткрыл окно на кухне, потушил свет и долго ворочался в постели. Просыпался он также медленно, стараясь получше укутаться в одеяло, не осознавая, что мерзнет. Наконец встал и пошел на кухню закрывать окно. Как он и ожидал, во сне наконец пришло решение. Но надо было кое-что подготовить и дождаться вечера.

7

Он хотел было заставить себя приготовить завтрак, но позвонила Ани и предложила встретиться. Улицы были пустынные, так что он припарковался прямо возле входа в кофейню на Северном проспекте. Вызывающе яркий спортивный мотоцикл Ани, BMW S1000 RR в 199 лошадей, уже был у входа. Проходящий мимо парень в черной куртке сбавил возле мотоцикла шаг и поцокал языком. Ани выглядела немного уставшей после ночной смены, под глазами легкие тени. Габриэль уже забыл, когда в последний раз видел ее при дневном натуральном свете. Абсолютно без косметики, с темными короткими волосами, чуть ниже среднего роста, худенькая, черная спортивная куртка, черные джинсы и кроссовки на толстой подошве. Ее при первом взгляде даже можно было принять за мальчишку, и она была бы не прочь, если бы не улыбка и что-то во взгляде миндалевидных глаз, которые выдавали ее женственную суть. Это что-то в ее взгляде Габриэль каждый раз расценивал как незащищенность, что было странно. А может, ему это только казалось.

Она как-то рассказала Габриэлю историю своей семьи. Легкомысленная мать сбежала с любовником, когда девочке исполнился год, и Ани вырастил отец, редкий оригинал. Он всю юность посвятил спорту, затем переключился на триатлон, разъезжая за пределами Армении в состязаниях Ironmen, а после побега жены вдруг отказался от помощи родственников в плане опеки и воспитания ребенка, осел в Ереване и переключил все внимание на дочку. Он всю жизнь мечтал о сыне, которого мог бы тренировать и сделать из него такого же железного человека, каким был сам. Тот факт, что родилась девочка, не сильно поменял его планы. Суровая дисциплина, мужские виды спорта, умение дать отпор любому – все это, наряду с короткими прическами и одеждой унисекс, сделало Ани такой, какой она стала. Но в конце концов спорт ей надоел, она сказала отцу свое железное «нет» и устроилась в казино, где быстро сделала карьеру благодаря смекалке и четкому логическому мышлению. С подчиненными ребятами в мониторинг она общалась по-свойски, но яро следила за дисциплиной и могла любого поставить на место при надобности.

– Ну, как отпраздновал? – Она отпила из большой широкой кружки горячий шоколад.

В кафе никого не было, они сидели возле окна, на котором были приклеены две большие голубые снежинки, вырезанные из тонкой бумаги. Пахло корицей.

– Бутылку виски на двоих выпили с Гором, голова никак не пройдет. Как с этим типом, нашла его в базе?

– Ага. Не знаю, как и благодарить тебя. Если бы не ты, даже не знаю, как бы все обернулось, – было видно, что она расстроена. – Чуть было такую аферу не проворонила! Может, мне не место в мониторинг?

– Не переживай, у тебя интуиция сработала, а это в данном случае важнее. Ты лучшая.

Она поджала губы и посмотрела на него исподлобья, совсем как мальчишка-подросток, чтобы убедиться, что он не шутит. Заметно повеселев, улыбнулась:

– Да, ты прав, я лучшая. А лет через пять наберу такой же опыт, как у тебя, и займу твое место, берегись. Вообще-то я хотела по другому поводу поговорить, чем закончилась твоя беседа с Лео?

– Ничем особенно, – помедлив, сказал Габриэль. – Про Техасца немного поспорили.

Он смотрел на прозрачный чайник на столе с плавающими длинными чайниками и чувствовал на лице взгляд умных глаз Ани. Она покачала головой:

– Я смотрела на тебя через камеру в коридоре, когда ты вышел от босса. Скажи, он тебя премии лишил?

Габриэль поднял голову и посмотрел на нее. Она кивнула:

– Значит, лишил.

Они помолчали некоторое время. Габриэль чувствовал, что она хочет что-то сказать, но не решается.

– Слушай, Габриэль, – она протянула руку и дотронулась до его руки. – Ты должен поговорить с боссом, сказать, что это ты раскрыл этих мошенников. Тогда он отменит свое решение.

– Решение правильное. К тому же я вчера не работал, – напомнил он.

– А откуда ему знать, он что, в курсе наших графиков, что ли?

– Даже если и не в курсе, это выяснится на раз-два. Менеджер наверняка уже доложил о том, что ты позвонила ему и остановила игру. А ты имеешь право это делать лишь при моем отсутствии, иначе звонил бы ему я.

Ани вздохнула:

– Знала, что ты так ответишь. Поэтому хочу поставить тебя в известность, чтобы был готов. Я сама пойду к шефу и расскажу все как есть...

– Ани, – перебил он. – Сколько раз ты заходила к шефу? Либо говорила с ним?

– Ты же знаешь, что ни разу. Пока. Он ведь не откажется принять меня?

Габриэль попробовал успевший немного остыть чай.

– Не откажется, но дело не в этом, а в том, что ты понятия не имеешь, какой он...

Ани молчала, покусывая нижнюю губу, испытующе поглядывая на Габриэля.

Он продолжил:

– Ты его даже вживую не видела, только на экранах мониторов. Он похож на человека только внешне, ничего человеческого в нем нет. Это робот, четко выполняющий свою функцию, у него все расписано вперед, по плану и согласно правилам.

Он видел, что Ани все равно не хочет соглашаться с ним.

– Послушай меня, как-то на собрании я сидел ближе всех к нему, когда у него зазвонил телефон, и я успел увидеть на экране надпись «Мама». Он сбросил звонок, и так еще раз, потом просто отключил телефон. И закончил часовое собрание ровно минута в минуту. Понимаешь? Судя по его возрасту, его матери минимум лет девяносто, а ведь старушка что-то хотела от него, может, ей стало плохо или еще что-нибудь. А он просто отключил телефон и как ни в чем не бывало продолжал собрание. То есть для него бизнес превыше всего. И ты собираешься сказать ему, что нарушила одно из основных правил безопасности и пронесла телефон? Он тебя дальше и слушать не станет, сразу же уволит. Может, и меня заодно, раз я в курсе был, – Габриэль допил чай. – В прошлом году кассиршу, которую только заподозрили, что она чаевые для официантки обналичивает, сутки без еды в подвале держали, пока разбирались что к чему. Это я точно знаю.

Ани вскинула голову:

– Но благодаря этому мы раскрыли мошенничество и сберегли для казино деньги, разве не так?

Габриэль кивнул:

– А он подумает, что это был не единичный случай. И будет прав по-своему. Мы нарушали правила, имея в мониторинг телефон. Для чего? Мы в сговоре с парочкой игроков, координируем их действия по телефону. Мы давно этим занимаемся, у нас команда, есть и свои люди среди крупье. Время от времени организовываем выигрыши своим игрокам, те с нами делятся.

Ани присвистнула:

– Хорошо у тебя с фантазией обстоит.

– Нет, с логикой хорошо обстоит.

Она нахмурилась, побарабанила тонкими пальцами по столу, допила шоколад и вытерла рот салфеткой. На улице Ани надела желто-красный шлем, окликнула Габриэля и подошла к нему.

– Признайся, что нагнетаешь. Просто не хочешь, чтобы меня наказали за проступок. На корпоратив, как понимаю, не придешь.

Прежде чем он успел что-нибудь ответить, она приподнялась на цыпочках и, быстро прильнув к его губам, круто развернулась и пошла к мотоциклу.

Габриэль сел в машину и завел двигатель. Поцелуй всколыхнул воспоминания годичной давности. На прошлогоднем новогоднем корпоративе Ани изрядно перепила текилы и чуть было не устроила драку. Габриэлю пришлось отвозить ее домой на такси. Он и сам выпил немало, и это, наряду с недавним разрывом с Таней и желанием покончить с переживаниями, привело к тому, что они оказались вместе в постели Ани. Габриэлю врезались в память точеная изящная фигурка и невероятная страсть, с которой Ани отдалась ему. Наутро Ани была сильно расстроена несмотря на то, что, как оказалось, почти ничего не помнила. Они, к облегчению обоих, списали случившееся на алкоголь и решили про все забыть, тем более что в казино категорически запрещались подобного рода связи. Оба в течение года ни единым словом, взглядом либо жестом не дали друг другу и намека на память о той ночи. И теперь – этот поцелуй.

По дороге к торговому центру он решил, что все-таки она не пойдет со своим признанием куда не следует.

Полукруглое здание торгового центра неоновым пятном выделялось на фоне серых построек. Габриэль увидел выходящих из дверей людей. Значит, работает несмотря на то, что сегодня первое января. Нужный магазинчик, насколько он помнил, должен был быть на последнем этаже. Хотя он туда ни разу не заходил, и даже не обращал никогда внимания на него, в памяти отложилось примерное его расположение.

Он рассматривал парики, надетые на головы манекенов, когда краем глаза заметил приближающегося продавца.

– С Новым годом. Могу вам чем-нибудь помочь?

Габриэль обернулся к нему и скрыл удивление, увидев худенького парнишку с лиловой прической а-ля ирокез.

– Спасибо, и вас также, – отозвался он. – Да вот, смотрю, что у вас тут есть.

Он посмотрел на голову Габриэля:

– Решили что-то поменять в новом году? Очень похвальное решение. Всегда следует меняться и не думать о том, что подумают другие. Ну что, можем подобрать вам каштановый парик под цвет ваших волос. Или вы хотите другой цвет?

– Сам не знаю, чего хочу, – нерешительно пробормотал Габриэль, – просто чтобы никто не узнал.

– Не спрашиваю, для чего. Пройдите со мной, померяем что-нибудь, – парнишка подвел его к длинной стойке и усадил на стул с металлической спинкой.

Взяв со стойки разлинованную мягкую полоску, он ловкими движениями снял мерки с головы.

– Готово. Можно в принципе взять набор из парика, усов и бороды, так, кстати, выйдет немного дешевле. Сейчас я вам принесу, – с этими словами он скрылся за маленькой дверью позади стойки.

Габриэль чувствовал себя крайне неловко, даже начал подумывать о том, не уйти ли ему сейчас, пока продавца нет. Но тот вернулся и поставил на стойку пластиковый шар с париком и коробочки с усами и бородкой.

– Парик из натурального волоса, можете потрогать, – жестом пригласил он.

Трогать Габриэлю не хотелось, но он все же протянул руку и дотронулся. Ощущение было такое, словно он провел рукой по голове незнакомого мужчины. Габриэль окончательно понял, что не в силах надевать на голову чужие волосы.

– Ограничусь пока только усами, – пробормотал он и взял из коробки пучок волос, прикрепленных резинкой к картонной подставке. Усы ему не понравились, слишком пышные, с загнутыми лихими кончиками. – А есть что-нибудь не такое гусарское?

Продавец с ирокезом принес несколько образцов, и Габриэль выбрал узенькие аккуратные усы. Получив к ним тюбик с медицинским клеем и инструкции, как с этим обращаться, он расплатился и уехал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.